

Цивилизация существует для музыки

На днях Валерий ВОРОНА, ректор Московского музыкально-педагогического института имени М.И. Глинки, отмечает юбилей. Но поводом для его воспоминаний не является торжество, а те проблемы, с которыми приходится сегодня сталкиваться одному из ведущих музыкальных вузов столицы.

КАФЕДРА РЕКТОРА

Валерий Иосифович, творческие вузы сегодня испытывают двойное давление: со стороны так называемого Болонского процесса, коряжское образование в целом, и со стороны государства, финансирующего культуру по остаточному принципу. Какова цена образования в таких условиях?

— Наша система музыкального образования является лучшей в мире, доказательством тому служат востребованность и навыки музыкантов. И найти педагогов далеко за пределами России. Русская исполнительская школа стала явлением, целой эпохой в мировой культуре. Возникла она не сама по себе и не на пустом месте. Это результат многовековой преемственности, скрупулезной, целенаправленной работы наших выдающихся предшественников, вбировавших лучший мировой опыт и генерировавших свои собственные уникальные кадры.

Музыкальная критика еще в конце XIX столетия признала безусловное первенство России в исполнительском искусстве и главенство русской исполнительской школы. И мы эту традицию перенесли уже более ста лет. В эту сферу вкладывались серьезные государственные средства. Активно развивалась и росла сеть учебных заведений, объектов культуры. На протяжении этих процессов происходили, все ветшал, падал престиж профессии, сегодня она не способна прокормить тех, кто ею занимается. Мы не думаем о будущих поколениях, не вкладываем в них, как вкладывали в наши, деньги. Перестали подходить к развитию этой важнейшей части национального культурного достояния, не предпринять кардинальных мер и через десять мы можем утратить первенство в этой сфере (как это некогда случилось с театром и кинематографом). Сегодня снова повторяется века, чтобы вернуть свои позиции.

Это вопрос государственного престижа. Не так много сфер, где мы сегодня имеем безусловное лидерство и огромное влияние в мире. Музыка не требует переводчиков. Сами музыканты убеждены, что цивилизация существует для музыки. Она ведь, как космос, материя, не познаваемая до конца. Она может объединить людей и целые народы, способствует взаимопониманию. А отсутствие взаимопонимания на сегодняшний день является для человечества одной из самых острых проблем. Критически масса конфликтов, достояние велика, чтобы поставить человечество на грань уничтожения. Так что на самом деле цена вопроса очень высока. Но даже если не рассуждать о будущем так широко, речь идет не больше, не меньше как о духовном здоровье нации...

И не всё, между прочим, упирается в отсутствие денег. Раньше и по телевидению, и по радио часто не каждый день транслировались концерты классической и народной музыки, люди слушали Ойстраха, Обувов, Собнова. А сейчас классическая музыка и фундаментальная культура в целом практически исчезли из эфира. Один канал «Культура» запоздало образовывания вакуум не в состоянии.

— Самое удивительное, что и академические школы, и бизнесмены-режиссеры, делаясь, стремясь заработать, пытаются продать, отпаривают своих детей, уводя классические ценности за рубеж, преимущественно в закрытые английские частные школы, или устраивают им аналогичные программы — платно, но не понимают, что продавец, а что покупатель.

— Это не что иное, как пренебрежительное отношение к своему народу, деление на элиту и плебе, который ничего, кроме денег, не должен иметь. Люди лишили возможности выбирать. В 1992-м мы создали фонд «Русское исполнительское искусство», и тогда наши stipendиям дадут с концертами по небольшим городам. Уже на 30 тысяч человек, только заброшенный клуб и одна-единственная

музыкальная школа, все концерты идут в переполненные залы. Люди истосковались по настоящему искусству, дающему свет, дающему надежду, помогающему видеть в жизни прекрасное и противостоять ее мерзостям.

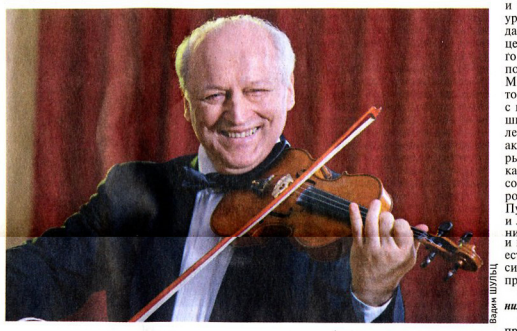
— Сейчас время такое: если о чём-то не говорят по радио и не показывают по ТВ, значит, этого вообще не существует.

— Недавно мы с нашим молодёжным камерным оркестром гастролировали в Южной Корее. Там классическое искусство возведено в ранг культового, и молодое поколение очень серьезно к нему относится. Несколькими телесканалами только классику и транслируют, причём возможность выступить в телеэфире есть у любого музыканта — от начинающего до профессионала международного уровня. Государство вкладывает в строительство новых концертных залов огромные средства. Мы выступали в зале-трёхтысячнике с потрясающей акустикой. А Москва, одна из ведущих музыкальных столиц мира, не имеет ни одного зала с европейской акустикой. Лайбы, чтобы после реконструкции Большой зал Московской консерватории снова акустику сохранил, но один зал за всю Москву — это же жонес! Один американский дирижёр, с которым мы недавно выступили,

кому эти форматы придётся реализовывать. Когда люди поймут, что их мнение может быть то значить, у нас появится совсем другая динамика развития и степень доверия нашей системе. Но система остается системой, многое делается «вприкрытую», а не «благодаря», хотя живём мы уже совсем в другой стране, и поворот к здравому смыслу даёт о себе знать.

— Всплывает музыкальная — процесс шумный, балет тоже — ювелирный.

— Индивидуальный подход к каждому ученику подразумевает отсутствие таксона и непреложных правил. Загубить талант проще простого. И если наши педагогические традиции под натиском нововозвращений вейнуй будут разматы, мы потеряем эту педагогику. Не исключено, что настанет. В России усилием многих поколений создан этот мировой шедевр, который «кормит» весь мир выдающимися музыкантами. Это своего рода запозданная книга, которую надо охранять всем миром, как охраняют Эрмитаж или Русский музей. Но на материальных предметах эта охранная политика распространяется, а на людей, носителей уникального искусства, нет. Но это же очевидно: если мы вовремя не заметим и не поддержим музыканта-исполнителя, он не состоится.

Валерий ВОРОНА

рассказал, что в его родном Техасе строят концертный зал, в бюджете которого только на акустику заложено 120 миллионов долларов.

— Инвесторы там любят такие проекты, потому что понимают — это признак цивилизованности и соотвествия развитию общества, люди эпохи, о которой будут судить следующие поколения, кресте, считают, что можно выстроить коробку и начинить её электронной. Но тогда получится «синтетика», а высокого искусства там не будет. К сожалению, отсутствие залов — не единственная причина того, что народ отторгнут от своего достояния.

— ...и перестаёт его воспринимать как безусловную ценность.

Для этого и создаются общественные организации, чтобы объединиться и противостоять разрушительным тенденциям, давать сигнал обществу и формировать в общественном сознании правильное отношение к нашим ценностям, ставить диагноз нашим ошибкам и назначать курс лечения. Это тот ресурс, который появился в результате демократических преобразований в России и который мы пытаемся своими силами в полной мере использовать. Нам уже многое удалось. Но пока ещё не создана система, при которой люди специально были востребованы и слышны. Все регламентации идут сверху вниз. А ведь прогрессивные идеи и культурные начинания, которые приходят и стали нашими, рождались снизу и поддерживались верхи. Это естественный путь развития. А пока получается парадокс — индустриальная революция в образовании и воспитание специалистов, а их голоса и практический опыт почему-то, скорее, мешают, чем помогают.

— После таких высоких матерей язык не поворачивается задавать вопросы по поводу культуры.

— Болонский процесс не такая уж новинка. Принципы его известны давно, и мы от них откалывались ещё в позапрошлом веке, когда создавались Петербургская и Московская консерватории. Так что не связывайтесь в этом пресловутый процесс для нас равносильно откату почти на два столетия назад. Даже наши запальные доводы неумолимы, зачем нам это нужно? И как мы убедим тех, кто упрямо это не хочет?

— Ваш институт создается в самом, казалось бы, неподходящем для этого время — в начале 90-х. Для чего?

— Для такого города, как Москва, и десяти музыкальных институтов мало. Институт существует 15 лет. Мы сохранили преемственность, которая закладывалась как принцип Московской консерватории: у нас непрерывный цикл обучения «колледж—вуз». И колледж, «высшие» и з

училища, в прошлом сезоне отменил 90-летие.

— Но создавались мы в годы, не зря прозванные лихими: на бумаге создали, а подвести соответствующую материальную базу забыли. Поэтому мы строились для училища, причём московского подчинение, а это объективно не было предусмотрено изначально.

Теперь институт федерального подчинения, но инструкторов студентов, а их у нас 70%, по-прежнему имеет негале. Ни одного квадратного метра институту не прибавили: снимаем квартиру, играем в коридорах. В отличие здания и колледжа, и вуза. Ресурсы для саморазвития нет, следовательно, неизбежна потеря абитурантов. Нет иностранного оттекания, которое могло бы принести средства, нет возможностей для внебюджетного обучения. Нет даже своего концертного зала, который можно было бы сделать достойной концертной площадкой для известных музыкантов и давать концерты для внешней публики. Мы в высшей степени патристичны. Изначально можно было бы возвести и обшектировать, и новые здания. Наеемся, что нам удалось это сделать.

Думаю, что учебное заведение, которое имеет такую историю, историю и существенно влияет на формирование уровня музыкальной культуры, которое дало целую плеяду всемирно известных музыкантов, навсета ноющих в историю, этого в высшей степени патристично. Изначально показателю мы сопоставимы не только с Московской и Петербургской консерваториями, Гнесинской академией, но даже с нашим ровесником ВГИКом, отменившим свою историю в прошлом сезоне своей 10-летию. Не буду называть представителей академического направления, среди которых немало всемирно признанных музыкантов, но нашим главным отличием стало создание в Петербурге в 1902 году первого русского вокала, давшего старте Зыкину и Рудольфу, Калышеву и Шаурину, Ромюну и Литвиненко, Крыгину, Петрову, Мали-Ахмедову, Гусманову, Гусманову и многих других. На уровне министра есть понимание наших проблем, но общая ситуация складывается более чем неблагоприятно: не кризис, но пожары...

— Сложно искать общий язык с нынешним поколением?

— Конечно! Они не похожи на своих предшественников, ведь выросли в другой стране. Это поколение свободное, индивидуализма, смелее. В них больше индивидуализма и прагматизма. Но всё-таки они понимают, что имеют дело с высочайшим шедевром, созданным человечеством. Думаю, что их прагматизм и некоторый нигилизм — это своего рода инстинктивная защита, поскольку все мы живём в мире, где ни наши права, ни здоровье, ни достоинство по-настоящему не защищены. Этих ребят надо поощрять, поощрять, но поощрять не обязательно с помощью любви. Они чувствуют отношение к себе, даже когда их ругают. И поэтому, наверное, заинтересованы в их развитии или хотя бы «объясняя» педагогическую повинность».

И яonia в своё время, что злитесь на них сейчас. Сухоуминский говорил: надо уважать их желания. Мы ведь чистенько забываем, что сами когда-то были детьми, и всем не так мудры и терпеливы, как сейчас. Педагогика — это поиск ключика к ученику. И к каждому надо подбирать свой.

— Как вам сидится в ректорском кресле?

— Непросто. Я в нём уже шестой год, хотя ректором быть не собирался. Так, как я живу, жить нельзя. Институт требует отделить от себя часть себя, и это делают и студенты, и фонд. Но это не так уж и приятно, девять тысячи. Человеку всё приходится совмещать в одной. Самое трудное — собрать команду. Без единомышленников развиваться невозможно. Музыка и культура — особая материя. Музыкант должен вокруг себя создавать позитивную среду, втягивая в её орбиту и учеников, и слушателей, и близких. Только так можно возместить разрыв между искусством и жизнью и культуре. Как бы ни была сложна наша жизнь, мы — счастливые люди. Потому, что у нас есть музыка.